

Перевод как проблема семиотики культуры*

Демин И.В., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский университет

Таллер Р.И., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский университет

В статье анализируется разработанная Ю. М. Лотманом культурно-семиотическая трактовка понятия перевода. Новизна предложенного Лотманом подхода состоит в интерпретации перевода как базового и наиболее элементарного акта мышления. Будучи универсальным механизмом создания новых текстов, перевод представляет собой переход семиотической границы, преодоление семиотических и коммуникативных барьеров.

Ключевые слова: перевод, культура, семиотика, семиозис, семиотика культуры, семиосфера, Лотман.

I.V. Demin, R.I. Taller, Samara

Translation as a problem of semiotics of culture

The article analyzes Lotman's interpretation of the concept of translation. The novelty of Lotman's approach consists in interpreting the translation as the basic and most elementary act of thinking. Translation is the transition of a semiotic border, the overcoming of semiotic and communication barriers. Translation is a universal mechanism for generating new texts.

Keywords: translation, culture, semiotics, semiosis, semiotics of culture, semiosphere, Lotman.

Семиотическая концепция культуры, разработанная Ю. М. Лотманом и другими представителями Московско-тартуской семиотической школы, является оригинальной версией лингвистически и семиотически ориентированной теории культуры, что позволяет поставить её в один ряд с исследованиями Эрнста Кассирера, Ролана Барта, Мишеля Фуко, Клиффорда Гирца [24, с. 10-17].

Понятие перевода, наряду с понятием границы [4, с. 243-249], играет решающую роль в культурно-семиотической концепции Лотмана. Своеобразие этой концепции, её уникальное место в современной культурологии и философии во многом определяется новой трактовкой феномена перевода и его места в культуре.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

1. «Полиглотизм» культуры и проблема перевода

Ключевым для понимания лотмановской трактовки перевода является понимание соотношения понятий «культура» и «язык», а также «язык» и «текст».

Лотман различает два типа семиотических систем: простая (моноязычная) система и сложная (полиглотическая) система. Культура как *семиосфера* относится ко второму типу. Под «семиосферой» Лотман понимает пространство культуры, в котором осуществляется знаковая коммуникация и становится возможным семиозис, то есть процесс функционирования знаков культуры и культурных текстов [6, с. 229; 2, с. 32-39; 10, с. 9-21].

Одна из исходных и наиболее фундаментальных презумпций семиотической концепции Лотмана состоит в том, что языка в единственном числе не существует, язык всегда погружён в (полиглотическое) семиотическое пространство культуры и только так способен функционировать. Ким Су Кван справедливо усматривает в такой трактовке языка преодоление классического структурализма в эволюции Лотмана, «которое начинается с осознания принципиальной ограниченности “панлингвистического” подхода» [9, с. 46].

Всякий социальный субъект изначально погружён в многоязычную, полиглотическую среду. «Культура каждого коллектива, – пишет Лотман, – представляет собой совокупность языков и каждый из его членов выступает как своего рода “полиглот”» [17, с. 397]. Язык (набор кодов и правил) отправителя сообщения никогда не является в полной мере тождественным языку получателя сообщения, поэтому любая форма знаковой коммуникации уже предполагает *акт перевода*, который определяется Лотманом как «элементарный акт мышления» [21, с. 193].

Минимальной работающей и развивающейся семиотической системой является *двухязычная* система. По факту же в культуре всякий раз сталкиваются и сосуществуют множество различных языков. Важно отметить, что термин «язык» Лотман использует не в узком лингвистическом, но в широком культурологическом и семиотическом смысле. Под «языком» понимается любая *система правил*, позволяющая понимать, кодировать и декодировать сообщения, которыми обмениваются социальные субъекты. В «Беседах о русской культуре» Лотман называет языком «всякую структуру, обслуживающую сферу социального общения» [13, с. 6]. С этой точки зрения, «языком являются не только естественные языки и другие лингвистические системы (искусственные и метаязыки), но и любые знаковые образования, построенные по языковому принципу» [12, с. 297]. В роли языкового сообщения может выступать не только высказывание или текст, но и действие, поступок. Понятие «язык», таким образом, включает в себя самый широкий диапазон явлений: от языка мифа и религии до языка математики и технических наук, от языка живописи и архитектуры до языка телодвижений.

В любой живой, развивающейся культуре, согласно Лотману, действуют разнонаправленные, противонаправленные механизмы: с одной стороны, меха-

низм дробления и умножения языков, с другой стороны, механизм их унификации [21, с. 164]. Первый механизм обеспечивает культурно-семиотическое многообразие культуры и делает возможным феномен культурного творчества, тогда как второй механизм удерживает культурное пространство от распада, обеспечивая преемственность в развитии культуры.

Множественность языков (полиглотизм культуры) рассматривается Лотманом как исходная данность. Однако семиосфера характеризуется не только *множественностью* языков, но и их *неоднородностью*. Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и по своему происхождению, по своим семантическим, синтаксическим и прагматическим параметрам. Здесь мы и сталкиваемся с понятием перевода в его новой, семиотической, трактовке: соотношение различных, разнородных языков семиосферы характеризуется Лотманом преимущественно в терминах «переводимости» / «непереводимости». Спектр возможных способов соотносённости языков простирается от их полной взаимной переводимости до полной непереводимости. Эти две модели находятся на противоположных полюсах, и в реальной культурной коммуникации никогда не реализуются в чистом виде, однако, в пространстве между ними локализуется всё многообразие конкретных отношений между различными языками. Реальные акты культурной коммуникации всякий раз осуществляются в ситуации *частичной* переводимости / непереводимости. Таким образом, «перевод» в культурно-семиотической теории Лотмана играет роль *универсального мерил* культурной (межязыковой) коммуникации.

2. Проблема соотношения «текста» и «языка»

Не меньшее значение в контексте обсуждения проблемы перевода имеет вопрос о соотношении понятий «текст» и «язык». Понятие текста, как и понятие языка, используется Лотманом не в узком лингвистическом, но в широком культурологическом смысле. Выражение «текст культуры» охватывает самые различные явления социальной жизни, искусства, философии, науки и т. д. Как отмечает И. В. Кондаков, «подобный подход, последовательно примененный к самым неожиданным явлениям, позволил Лотману создать оригинальное и новаторское направление в науке о культуре, куда имплицитно оказались включены литературоведение, искусствоведение, лингвистика, семиотика, стихосложение, история и другие гуманитарные дисциплины, образовавшие в совокупности единое смысловое пространство гуманитарного знания» [11, с. 231].

В семиотике Лотмана присутствуют две различных, на первый взгляд несовместимых, трактовки соотношения понятий «текст» и «язык». С одной стороны, говоря о специфике *искусственных* языков, Лотман придерживается структуралистской трактовки текста как манифестации возможностей языковой системы. Язык в этом случае рассматривается как система, способная генерировать неограниченное множество текстовых сообщений. Так понятий язык есть нечто *первичное* по отношению к тексту. Данная схема соотношения текста и

языка адекватным образом отражает специфику *искусственных, формализованных* языков, в которых устранена свойственная естественным языкам полисемия, что позволяет отделить *план выражения* от *плана содержания*. «При пользовании искусственными языками (или естественным и поэтическим языками как искусственными <...>), – пишет Лотман, – мы отделяем смысл от языка» [21, с. 17].

С другой стороны, в работах Лотмана мы встречаем и радикально иное понимание текста и языка, выходящее за рамки структурной лингвистики и структуралистской методологии в целом. Речь идёт о трактовке текста как многоязычного (полиглотического) образования, как «устройства», в котором сталкиваются, переплетаются и взаимодействуют различные языки культуры. Согласно этой трактовке, текст культуры всегда «богаче и сложнее любого из языков, поскольку представляет собой устройство, в котором сталкиваются и соплагаются языки» [20, с. 26-27]. Так понятый текст *предшествует* языку как системе правил словообразования и словоупотребления, поскольку он оказывается способен трансформировать старые и порождать новые языки в процессе коммуникации. Текст в данном случае выступает как «резерв полиглотизма» и генератор не только новых культурных смыслов, но и *новых языков*. Данная модель соотношения текста и языка используется Лотманом применительно к описанию художественных языков, в особенности, языка поэзии.

Нагляднее всего данная модель проявляется в ситуациях, когда «сначала дан документ, а затем уже реконструируется его язык» [21, с. 18]. «Такой порядок вполне обычен, когда мы получаем в руки обломок далекой от нас культуры. Речь может идти не только о словесных текстах на неизвестных языках, но и о вырванных из контекстов памятниках искусства и материальной культуры, функции и смысл которых археологу предстоит реконструировать» [21, с. 18]. Частным случаем реконструкции такого рода выступает *историческое познание* [3, с. 85-96].

Рассмотренные модели соотношения текста и языка представляют собой два противоположных полюса семиосферы. В реальной жизни культуры граница между «искусственными» языками, порождающими тексты, и языками «поэтическими», непрерывно творимыми и порождаемыми в процессе культурной коммуникации, всегда условна и размыта. «Как невозможны искусственные языки без некоторого, хотя бы зачаточного синонимизма и других «поэтических» элементов, так неизбежны метаязыковые тенденции в языках с демонстративной тенденцией к “чистому” поэтизму» [21, с. 19].

В зависимости от того, какая из двух моделей соотношения текста и языка принимается в качестве исходной и парадигмальной, культура предстаёт либо в качестве совокупности языков (кодов, правил), либо в качестве совокупности эталонных (канонических, нормативных) текстов. Культура представляет собой «исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), который может складываться в единую иерархию (сверхязык), но может представлять собой и симбиоз самостоятельных систем <...>. Но культура включает в себя не

только определенное сочетание семиотических систем, но и всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках (текстов)» [17, с. 397].

Рассмотренные модели соотношения текста и языка и связанные с ними трактовки культуры не могут быть соединены в рамках одного описания, поскольку в формально-логическом смысле являются *взаимоисключающими*. Так или иначе, за основу всегда принимается какая-то одна модель. Эти две трактовки культуры соотносятся в соответствии с принятым в квантовой механике *принципом дополнительности* (см.: [1, с. 125-128]). Они «дополняют» друг друга не в обыденном, но в квантовомеханическом смысле. Мы либо исходим из того, что смысл может быть отделён от языка, либо полагаем, что план выражения не может быть отделён от плана содержания. В первом случае язык предшествует сообщению (тексту) и остаётся инвариантным в процессе коммуникации, во втором случае язык не предшествует тексту, но сам трансформируется в процессе интерпретации текстов культуры.

3. Коммуникативная функция текста и проблема переводимости / непереводимости

Как отмечает О. Н. Леута, «Лотман существенно переосмыслил лингвистическое понимание текста и расширил понимание литературоведческое, сместив акценты в сторону культурологической трактовки понятия» [12, с. 297]. В культурологической трактовке текста акцент смещается с семантического и синтаксического на *прагматическое* измерение, и в этой связи на первый план выходит вопрос о функциях текста в культуре.

Лотман различает три функции текста в культуре.

1. Первая функция – это функция передачи информации. Текст может выступать в качестве инструмента трансляции, преобразования, создания, хранения информации, быть носителем «готового», предданного смысла. Текст в данном случае предстаёт как «пассивный носитель вложенного в него смысла» [14, с. 581].

2. Вторая функция может быть обозначена одновременно как «коммуникативная» и творческая («креативная») [14, с. 161]. В процессе коммуникации текст способен порождать новые тексты. Бытие текста в культуре – это непрерывный процесс его интерпретаций и переинтерпретаций, в ходе которых рождаются новые тексты.

3. Третья функция – *мнемоническая* (функция памяти). Текст не только передаёт «готовую» информацию и порождает новые смыслы и тексты, он также является конденсатором культурной памяти. Текст обладает памятью, причём память текста органически включена в общую культурную память – традицию. Под «памятью текста» Лотман понимает смысловое пространство текста, сумму контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность [14, с. 162]. Помимо прочего, способность текста сохранять память о своих предшествующих контекстах и интерпретациях является условием возможности исторического познания.

Как связана лотмановская трактовка перевода с тремя функциями текста в культуре? Проблема переводимости/непереводимости с одного языка на другой возникает у Лотмана в контексте обсуждения коммуникативной (креативной) функции текста. Традиционная проблема творчества и новизны в культуре в горизонте лотмановской семиотики получает новое освещение. Критерием новизны становится невозможность в результате операции обратного перевода получить *исходный* текст. Какие сообщения (тексты) не обладают новизной? «Сообщения, полученные из некоторых исходных в результате однозначных преобразований, то есть сообщения, являющиеся плодом симметричных преобразований исходного (запуская преобразование в обратном порядке, получаем исходный текст), мы не будем считать новыми» [14, с. 158]. Ситуация, в которой операция обратного перевода даёт исходный текст, характерна для искусственных языков. Креативный потенциал такого рода языков (семиотических систем) минимален, стремится к нулю. Напротив, для естественных языков (а также художественных, поэтических языков) характерна обратная ситуация: запуская механизм обратного перевода, мы никогда не получим исходный текст. Перевод здесь представляет собой *творческий акт*, а его результатом становится *новый* текст. Тем самым в концепции Лотмана подчёркивается *симметричность* искусственных языков и *асимметричность* естественных.

Машинный перевод и художественный (поэтический) перевод – не просто две разновидности одной и той же интеллектуальной операции, но два противоположных полюса культуры как семиосферы. В реальных актах культурной коммуникации всегда совмещаются моменты переводимости и непереводимости. Важную роль в этой связи приобретает понятие *степени переводимости* (соответственно, непереводимости) текста с одного языка культуры на другой. Именно с этим понятием связано проводимое Лотманом различие языков и текстов, обладающих *минимальным* и *максимальным* потенциалом креативности. Чем выше *степень переводимости* текста и чем ближе культурная коммуникация к полюсу взаимно-однозначного (машинного) перевода, тем меньшим потенциалом креативности обладает текст. И наоборот: чем менее текст поддаётся переводу, чем более затруднён перевод, чем дальше друг от друга отстоят исходный язык текста и язык перевода, тем большим потенциалом креативности такой текст обладает. Вот почему, как отмечает Лотман, наибольший творческий эффект достигается в тех случаях, когда в переводе участвуют такие семиотически *разнородные* языки, как например, литература и живопись или литература и кинематограф [15, с. 504]. Перевод текста с языка художественной литературы на язык живописи или с языка литературы на язык театра или кинематографа наиболее затруднён в силу разнородности участвующих в процессе коммуникации языковых систем, но именно такой перевод обладает наибольшим «взрывным» потенциалом и способен оказать революционное влияние на культуру [22, с. 15].

В тех случаях, когда в переводе участвуют семиотически разнородные языки (например, при переводе словесного текста в иконический или при трансформации романа в кинофильм) принцип точности (взаимной однозначности пере-

вода) заменяется *принципом условной эквивалентности*. «Подобный незакономерный и неточный, однако в определенном отношении эквивалентный перевод составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления. Именно эти “незакономерные” сближения дают толчки для возникновения новых смысловых связей и принципиально новых текстов» [21, с. 47]. При этом в результате условно-эквивалентного перевода в переводимом тексте всегда остаётся непереуведённый и непереуведимый остаток: «Эквивалентность не есть тождество, перевод из одной системы текста в другую всегда включает некоторый элемент непереуведимости» [16, с. 600]. Общая семиотическая закономерность, определяющая функционирование такого рода текстов в культуре состоит в том, что чем сильнее выражен эффект непереуведимости, тем более ценными для культуры являются предпринимаемые попытки перевода, тем более интересные и новаторские результаты может дать сам перевод.

Лотман описывает процесс перевода, в результате которого генерируются новые тексты, как *диалогический* процесс. Диалог есть «элементарный механизм перевода» [21, с. 193]. Трактовка диалога у Лотмана обусловлена общим пониманием культуры как сложной *полиглотической* системы и культурной коммуникации – как *межязыкового* взаимодействия. Общий язык не рассматривается более в качестве условия возможности диалога, напротив, диалог оказывается возможен и необходим в ситуации *отсутствия общего языка*, в условиях несопадения семиотических кодов участников коммуникации.

Возможность диалога (диалогическая ситуация) возникает там, где имеются семиотические барьеры и границы, цель участников коммуникации в этом случае состоит в поиске и обретении общего языка. Однако «если без семиотического различия диалог бессмыслен, то при исключительном и абсолютном различии он невозможен» [21, с. 193]. Диалог как элементарный механизм перевода предполагает, что языки собеседников не являются тождественными (или симметричными, то есть подающимися взаимно-однозначному переводу), но не являются и абсолютно несопместимыми. Содержание процесса диалога, с точки зрения лотмановской семиотики культуры, состоит в том, что «для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на “чужой” язык» [21, с. 193]. В процессе диалога происходит столкновение двух текстов на разных языках, «из которых каждый стремится преобразовать противоположный по своему образу и подобию, трансформировать его в “перевод на себя”» [19, с. 419].

Принципиальное отличие лингвистического понимания категории перевода от культурно-семиотического состоит в том, что лингвистика изучает каждый из участвующих в диалоге языков как изолированную систему, тогда как семиотически ориентированная культурология и теория культуры делают объектом своего изучения их борьбу и «взаимное напряжение» [19, с. 419].

4. Семиотическая трактовка перевода и проблема искусственного интеллекта

Предпринятое в семиотике Лотмана переосмысление категории перевода помимо прочего позволяет по-новому взглянуть на такую междисциплинарную проблему, как проблема искусственного интеллекта, и внести некоторую ясность в дискуссии, которые последние десятилетия вокруг этой темы ведутся. Обращаясь к этой теме, Лотман определяет мышление как *способность порождать новые тексты* [18, с. 559]. Как уже было показано, *новыми* в строгом смысле слова могут считаться только такие тексты, которые не выводимы из наличной языковой системы и не поддаются «машинному» (взаимно-однозначному) переводу.

Таким образом, в качестве определяющего критерия «интеллектуальности» системы в семиотике Лотмана выступает способность устройства генерировать новые тексты и невозможность в ходе операции обратного перевода получить исходный текст. «Любое устройство, претендующее на качество интеллектуальности, должно обладать таким механизмом генерации текстов, который в определенном звене не давал бы однозначной предопределенности в развертывании, то есть, будучи подвергнут последовательно трансформации в некотором и потом обратном направлениях, не давал бы восстановления исходного сообщения» [18, с. 559]. Поскольку генерация новых текстов осуществляется не иначе, как в ситуации диалога и взаимодействия как минимум двух языков, постольку «никакое “монологическое” (то есть монологическое) устройство не может выработать принципиально нового сообщения (мысли), то есть не является думающим» [18, с. 566]. Из этого следует, что «мыслящее устройство должно иметь в принципе (в минимальной схеме) диалогическую (двуязычную) структуру» [18, с. 566].

Подведём итог. Трактовка понятия перевода в семиотике культуры Лотмана выходит за рамки лингвистики и теории литературы и приобретает универсальное философско-культурологическое значение. Перевод рассматривается Лотманом не как один из видов речезыковой деятельности человека, но в качестве универсального способа общения, элементарного акта мышления и базовой модели культурной коммуникации как таковой. Такая трактовка, с одной стороны, вытекает из развиваемой Лотманом семиотической концепции культуры, а с другой стороны, во многом определяет специфику этой концепции.

Перевод является не просто неотъемлемым компонентом всякой культурной коммуникации, его можно определить в качестве универсального механизма межязыкового взаимодействия. Всякий акт перевода представляет собой переход, пересечение семиотических границ (то есть границ между различными языками/подсистемами культуры как семиосферы). Всякий деятель культуры в этом смысле выступает в роли переводчика. Общая семиотическая закономерность, работающая на всех уровнях языкового общения состоит в том, что чем более чуждыми друг другу являются языки, чем более они разнородны, тем потенци-

ально больший новаторский эффект может быть достигнут в результате осуществления процедуры перевода.

Литература

1. Буденкова В. Е. Дополнительность как принцип постижения современной культуры // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 125-128.
2. Гриненко Г. В. Семиосфера и семиотика культуры // Культура и образование. 2013. № 1 (10). С. 32-39.
3. Демин И. В. Семиотическая интерпретация исторического познания в концепции Ю. М. Лотмана // Философия и культура. 2017. № 11. С. 85-96.
4. Демин И. В. Понятие границы в семиотике культуры Ю. М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 243-249.
5. Демин И. В. Семиотика истории Ю. М. Лотмана: между реализмом и конструктивизмом // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. И. В. Демин. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2017. С. 102-115.
6. Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: НЛЮ, 1999. 384 с.
7. Зенкин С. Н. Континуальные модели после Лотмана // Новое литературное обозрение. 2009. № 8. С. 56-65.
8. Золян С. Юрий Лотман о тексте: идеи, проблемы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2016. № 3. С. 63-96.
9. Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение, 2003. 176 с.
10. Киселева Л. Ю. М. Лотман: от истории литературы к семиотике культуры (граница лотмановской семиосферы) // *Studia russica Helsingiensia et Tartuensia*. VI. Тарту, 1998. С. 9-21.
11. Кондаков И. В. Ю. М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман / под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 221-239.
12. Леута О. Н. Ю. М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294-309.
13. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994. 484 с.
14. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. 704 с.
15. Лотман Ю. М. Тезисы к семиотическому изучению культур (совместно с Вяч. Вс. Ивановым, А. М. Пятигорским, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. С. 504-525.
16. Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 590-602.
17. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 393-399.

18. Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 557-567.

19. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. С. 417-425.

20. Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 25-33.

21. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

22. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с.

23. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура. 2-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 432 с.

24. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И. В. Демин. Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. 270 с.

25. Франк С. К. Взрыв как метафора культурного семиозиса // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 12-30.

Реконструкция и конструкция прошлого: оппозиция или единство интерпретаций?

Борисова Т.В., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Анисимова С.Ю., Самара

преподаватель кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

На конкретных исторических примерах проводится сравнительный анализ реконструкции и конструкции исторического прошлого в процессе его интерпретации.

Ключевые слова: процедуры интерпретации, реконструкция, конструкция.

T.V. Borisova, S.Yu. Anisimova, Samara

Reconstruction and construction of the past: the opposition or the unity of interpretations?

For specific historical examples, a comparative analysis is carried out of the reconstruction and construction of the historical past in the process of its interpretation.

Keywords: interpretation procedures, reconstruction, construction.